

6 Смена - С. 176 - 1995 - 14 марта - С. 6.

“Сила моего таланта состоит в положительных типах”

К столетию со дня кончины Николая Семеновича Лескова

НИКОЛАЙ Семенович Лесков относится к тем писателям, о которых многие соотечественники узнали раньше, чем познакомились с его рассказами. Еще совсем недавно для младшеклассников выпускали тетрадки, обложки которых украшал призыв Горького читать таких мастеров, как Пушкин, Гоголь, Лесков и Чехов. У Алексея Максимовича немало спорных мыслей, но именно с этой хочется согласиться полностью.

Гостомля - Петербург

БИОГРАФИЯ отца писателя сама могла стать сюжетом занимательного рассказа. За откуп учиться в семинарии отец поп выставил его из дома, не дав время даже лапти переобуть. Так обычно начинаются жизнеописания бродяг, но Лесков старший дослужился до чина, дающего дворянство, и вышел в отставку заседателем Орловской уголовной палаты. На разные доходы он купил небольшое имение Панино в Орловской губернии на речушке Гостомле. Там в 1831 году и появился на свет будущий великий писатель.

Впоследствии он писал о своем детстве: "...у меня есть ... много кумовьев и приятелей, особенно на Гостомле, где живут бородачи, которых я, стоя на своих детских коленях в оные былые времена, отмаливал своими детскими слезами от палок и розг". Бородачи были себе на уме, недаром орловский мужик считался "пошельмоватее", чем его сосед - "дурасливый" курянин.

Учиться Коле довелось в орловской гимназии. Особо добрых воспоминаний о ней не осталось. Позднее в повести "Житие одной бабы" писатель походя замечает, что школьники 60-х уже имели любимых учителей, в его же детстве этого не наблюдалось.

Данное обстоятельство было одной из причин того, что гимназию Лесков так и не закончил, а поступил канцеляристом в Орловскую уголовную палату

(отсюда и многие криминальные сюжеты его произведений, как "Леди Макбет Мценского уезда").

С 1857 года делом Лескова становится не казенный, а частный интерес. Он работает у своего дяди - обрусевшего англичанина Шкотта. "Операции у нас были большие и очень сложные: мы и землю пахали, и свеклу сеяли, и устраивались варить сахар и гнать спирт, пилить доски, колоть кленку, делать селитру и вырезать паркет, словом, хотели эксплуатировать все, к чему край представлял какие-либо удобства," - писал позднее Лесков. Он изъездил практически всю страну, поэтому имел полное право в дальнейшем с гордостью заявить, что знал Россию не по наблюдениям из вагона экстренного поезда.

В 1861 году (после того, как кампания лопнула), Николай Семенович приезжает в Петербург. Как и многим другим русским литераторам, этот город принес ему большие успехи, а также крупные неприятности.

"Некуда"

В Петербурге Лесков сотрудничал с "Северной пчелой". Наш город он знал прекрасно, чему подтверждение - рассказ "Воительница". Главная героиня его - добродушная сводница, но и сам Питер, где происходит действие, тоже герой и его уже добродушным никак не назовешь. Слишком много эпизодов о том, как наши земляки в те дни не упускали случая нажить на беде или рассеянности ближнего.

В 1862 году происходят зна-

менитые петербургские пожары, способствовавшие обновлению облика некоторых районов столицы. Но эту их благодетельную сторону население осознало позднее, а тогда все были напуганы, ибо выгорали целые кварталы. В народе ходили мрачные слухи, обвинявшие в поджогах "скубентов" и прочий левый элемент. Лесков посвятил пожару статью, в которой требовал от властей подтвердить или опровергнуть слухи, а также укорял их за медлительность во время бедствия.

Последствия были неожиданны. "Левые" обозлились на Лескова за то, что тот будто бы солидарен с народной молвой.

Не сумев объяснить с радикалами, Лесков уезжает за границу, где пишет свой знаменитый антинигилистический роман "Некуда", опубликованный позднее под псевдонимом Стебницкий. Читатель сам может рассудить, чем были его персонажи - карикатурой или точным портретом "новых людей". Тогда же приговор был произнесен со скоростью революционного трибунала. "Найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько осторожен и равнодушен к своей репутации, чтобы согласиться работать в журнале, украшающем себя повестями и романами господина Стебницкого," - заявил Писарев.

Другой "нигилистический" роман "На ножах" окончательно закрепил за Лесковым репутацию реакционного беллетриста. Николай Семенович создавал почти "щедринские" по своей сатиричности или почти "некрасовские" по народоломбию рассказы, и они находили лишь отдельных почитателей, хотя среди них был и Лев Толстой.

Из всех отечественных литераторов, называемых "писателями будущего", Лесков, несомненно, более всех подходит под это определение. В те смутные 60-е годы Салтыков-Ще-

дин заметил, что новая русская литература не может существовать иначе, как при выяснении положительного героя. Но Михаил Евграфович нередко и не всегда справедливо критиковал Лескова за то, что именно этот писатель создал больше всего положительных типов в русской прозе второй половины прошлого века.

Не стоит село без праведника

Лесков принадлежит к "аллюзионным" авторам, которых так легко использовать в утилитарно-злободневных темах. Его "нигилистические романы" 60-х и реакция на них ("либеральный террор"), позднейшие вещи, ругаемые и слева, и справа, рассказ "Загон" об идее создать в Пензенской губернии музей... заграничных "выдумок", без которых русский народ обходился и обойдется. И самым актуальным во все времена будет тема праведника - "положительного героя".

К лесковским праведникам стоит отнести персонажей не только одноименного сборника 1880 года, но и других рассказов, в него не вошедших (к примеру, героев "Запечатленного ангела"). Суть большинства этих драматических историй можно выразить в знаменитом ответе, который первые христиане давали языческим жрецам, заставлявшим их обожествлять императора: "Я христианин". Лесковские праведники иногда Дон-Кихоты, но в том-то и дело, что противостоят им не мельницы, а государство, "самое холодное из чудовищ", по выражению Ницше.

Существует государство, не злое по натуре, но требующее, чтобы его традиции и принципы выполнялись безусловно. Солдат не может оставить пост ради ближнего своего, офицер не может простить ближнего своего, нижнего почину, приговор над осужденным ближним

должен быть осуществлен, даже если очевидна его несправедливость. Государство - машина, но все дело в том, что состоит оно из людей, которые, как позднее скажет Лев Толстой, раньше были крещены, чем приняли присягу.

Задолго до судебных процессов нашего века, установивших, что исполнение приказа не является оправданием, лесковские герои сталкиваются именно с этой проблемой. Мельчайший петербургский чиновник (рассказ "Пигмей"), распорядитель телесных наказаний (представьте более позорную должность!), считает, что осужденный француз невиновен. Винтик по своей воле останавливает приведенную в движение единственной достопримечательностью - карьерой. Офицера (в рассказе "Фигура") в день Христова Воскресения ударил пьяный казак. По военному законодательству казак практически обречен на смерть, но офицер прощает его и, совершенно никем не понятый, уходит из армии.

Ближе к концу жизни рассказы Лескова стали жестче, напоминающими Салтыкова-Щедрина. Сам же писатель оста-

вался добросердечным. Он мог просто докупать богачам или более богатым литераторам просьбами о помощи попавшим в беду авторам. Миллионеры Сибиряковы даже просили его больше никого не направлять к ним с записочками....

15 февраля 1895 года уже давно больной грудной жабой, Лесков посещает выставку "передвижников". Там был и знаменитый его портрет кисти Серова. Само полотно было превосходно, но недоброе предчувствие коснулось Николая Семеновича - рамка темная, почти черная, траурная. Окружающие оценили это как мрачное предзнаменование.

Болезнь усиливается. Лесков, живший на Фурштатской, совершает прогулку вокруг Таврического сада, что наносит окончательный удар. Пять дней спустя, глубокой ночью его сын Андрей Николаевич (автору замечательной книги о писателе) показалось, что отец зашнуровал. Но это было не так: смерть избавила его от жестокой болезни.

Михаил КАРЧИК

Снимок Н.С. Лескова 1897 года.

